

Партийная система современной России и особенности ее функционирования

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируется второй этап становления партийной системы РФ: с начала 1990-х гг. (первый этап завершился Октябрьским переворотом 1917 г. и закреплением власти в Советском государстве за партией большевиков). Выделяются этапы становления и развития, которые прошла партийная система России за исследуемый период: форсированная демократизация; партийный плюрализм; институционализация партий и расширение политического спектра; интенсификация партийного строительства исполнительной власти и сужение политического спектра; профессионализация и превращение партий в профессиональные лоббистские организации. Сделан вывод о состоянии современной партийной системы России.

Ключевые слова: политическая партия; политическая власть; политический процесс; демократизация; плюрализм; политический спектр; партийная система; партогенез; лобби; лоббистские организации; партия власти.

С конца 1917 г. до начала последнего десятилетия XX в. процесс партийного строительства, институционализации партийной системы был фактически заморожен. Он активизировался только в начале 1990-х гг. С тех пор прошло более 25 лет — достаточный срок для того, чтобы можно было оценить содержание процесса политического строительства и его основной итог — партийную систему современной России.

В 1990-х гг. Россия встала на путь строительства демократической политической системы, начав с институциональной подсистемы. Переход к демократическому плюрализму до 2000-х гг. рассматривался большинством специалистов в первую очередь как процесс форсированной демократизации, продолжение смены политических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, как линейный вектор —

«от распада <...> тоталитаризма к постепенному выстраиванию консолидированной демократии либерального типа» [1, с. 65]. Иными словами, фактически политические процессы начала 1990-х гг. анализировались, как правило, в контексте политических тенденций, определявших тогда развитие всех стран Восточной Европы, без акцентуации собственно российской специфики демократического транзита.

Сегодня политологи не столь единодушны в оценке политических процессов и политической ситуации в России того периода, отделенного от наших дней временным промежутком более чем в 10 лет. Вместе с тем большинство ученых выделяют две основные тенденции в рамках утверждения политического плюрализма в России. *Во-первых*, демократические преобразования осуществлялись в ускоренном, форсированном

режиме, без опоры на социальный консенсус. *Во-вторых*, основным генератором реформенных инициатив выступало государство и политическая элита. «В итоге, — пишет С. В. Степаненков, — отличительной особенностью российского демократического транзита стал его демонстративный характер, при котором власть стремилась обрести легитимность в глазах “мирового сообщества” и собственного населения. Изменение сути политического режима отставало от внешней формальной демократизации» [2, с. 40—41]. В результате в России установился, по выражению В. Я. Гельмана, гибридный политический режим, своего рода результирующий слепок форсированной имитационной и все еще не законченной модернизации [3, с. 55].

Нормативное пространство для институционального оформления политического плюрализма и становления многопартийной политической системы начало складываться с изменения формулировки ст. 6 Конституции СССР. Это важнейшее событие в политической жизни Советского Союза стало правовой артикуляцией революционных изменений политического режима.

Шестая статья Конституции СССР 1977 г. была краеугольным камнем политической идеологии Советского Союза, в основе которой лежал постулат о руководящей и направляющей роли КПСС. По сути, Основной закон СССР не предусматривал возможности учреждать иные партийные организации. Лишь формально, в соответствии со ст. 51 конституции, граждане могли реализовать право объединяться, причем только в общественные организации. Публично и открыто борьбу с советским политическим режимом и политической системой развернули члены

Межрегиональной депутатской группы (МДГ) на I Съезде народных депутатов, открывшемся 25 мая 1989 г. Одно из основных требований МДГ было об отмене 6-й статьи конституции и признании политического плюрализма. Академик А. Д. Сахаров стал одним из лидеров движения за отмену 6-й статьи: благодаря его активной политической позиции это требование стало одним из ключевых в программных документах МДГ. Требование Сахарова и МДГ включить вопрос о 6-й статье в повестку дня II Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.) было отклонено, однако 4 февраля 1990 г. в Москве состоялась самая массовая и организованная протестная акция за всю историю СССР, и главное требование манифестантов было именно об отмене 6-й статьи конституции.

В соответствии с решением расширенного пленума ЦК КПСС, состоявшегося 5 февраля, была выдвинута законодательная инициатива, оформленная во время III Внеочередного съезда народных депутатов (март 1990 г.) в проект «Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР по вопросам политической системы (статьи 6 и 7 Конституции СССР)». Закон СССР «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР» был принят 14 марта 1990 г., в соответствии с ним ст. 6 конституции была сформулирована следующим образом: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами» [4].

Несмотря на то, что в новой редакции конституции партийная система СССР формально оставалась системой с доминирующей партией, основным законом признал многопартийность, что создало базу для начала интенсивного процесса партогенеза. К этому времени в СССР уже существовали политически весомые общественные организации: кружки и объединения, народные фронты, которые интенсивно оформлялись в политические партии. В результате политический спектр России и СССР значительно расширился, в нем оказались представлены такие политические силы, как Социал-демократическая партия России, Партия свободного труда, Российское христианско-демократическое движение, Демократическая партия России, Крестьянская партия России, Либерально-демократическая партия Советского Союза и др.

После августовских событий 1991 г. КПСС была распущена и интенсифицировался процесс институционализации как левой, так и правой стороны политического спектра. В результате в 1991—1992 гг. его ширина, по оценкам специалистов, превысила оптимальную. Тенденция к возникновению новых политических организаций и движений постепенно привела к атомизации политических позиций, деструктивному политическому расслоению, невозможности прийти к политическому консенсусу [5, с. 97]. Именно эти процессы дали основание ряду политологов характеризовать сформировавшуюся в начале 1990-х гг. в России политическую систему как «избыточную демократию» [6, с. 437]: трансформации институциональной подсистемы опережали в ней изменения нормативной подсистемы (формирование соответствующих норм, традиций и ценностей демократии,

культуры политического участия и политической деятельности на уровне и общества, и политической элиты).

После политического кризиса 1993 г. в России была принята новая, ныне действующая Конституция РФ, в соответствии с которой произошел переход к смешанной избирательной системе. Избирательная кампания 1993 г. представляла собой последний этап «осеннего кризиса»: по выражению Ю. Г. Коргунюка, избирательные кампании всех партий проходили в условиях, близких к чрезвычайным [7]. О своих выборных амбициях заявили 35 избирательных объединений, однако в выборах участвовало только 13 партийных организаций, сумевших пройти процедуру регистрации. Последовавшие выборы в Государственную Думу РФ сформировали политический спектр, в котором было представлено восемь политических партий, отражавших идеологические позиции как правой, так и левой ориентации (первое место заняла ЛДПР, второе — правительственная партия «Выбор России»). Партии, победившие на выборах, стали весомыми политическими институтами, активно участвовавшими в политических процессах середины 1990-х гг. В этот период партии служили реальными медиаторами диалога общества и власти и активно выполняли функции выявления интересов социума, артикуляции социально значимых проблем, информирования по линии *социум — власть* и, что самое важное, выработки властных решений: и законодательных, и управленческих.

Вместе с тем тенденция к институциональному закреплению «избыточной демократии» получила продолжение: к выборам 1995 г. число зарегистрированных политических партий возросло, ширина политического спектра также увеличилась, и в результате партийная

система оказалась в предкризисном состоянии. Политическую систему России второй половины 1990-х гг. можно охарактеризовать термином Дж. Сартори «крайний плюрализм» [8, с. 132], и эта мысль соотносится с идеями С. Сулакшина о слишком широкой «растянутости» политического спектра. По образному выражению этого автора, политическая система в тот период приблизилась к точке «генерации безумия» [5, с. 98].

Вместе с тем она пребывала в состоянии весьма высокой степени институционализации. Пять партий, в том числе КПРФ, ЛДПР и «Яблоко», можно было рассматривать уже не как мерцающие политические фантомы, а как политические субъекты, материализовавшиеся и в общественном сознании, и в политических процессах того периода. Более того, их можно было считать достаточно прочными и устойчивыми политическими образованиями, чтобы выдержать проверку на политическую состоятельность [9, с. 167]. Справедливость этой точки зрения со временем подтвердилась.

Специалисты отмечают, что институциональная стабилизация этих политических партий была связана не только с их относительно прочной инкорпорированностью в систему нового российского парламентаризма, но и с их специфическим подходом к своему программно-идеологическому оформлению. Их идеологи стремились не только и не столько артикулировать традиционные политические концепты, объединяя в них интересы представляемой социальной группы, сколько занять ниши социокультурного запроса общества, заполнить образовавшийся идеологический вакуум. Этот вакуум создал базис не столько для идеологического строительства, сколько

для формулировки поверхностно-популистских политических конструкций: в тот период популизм стал самой распространенной стратегией продвижения политических партий. Российский политолог Я. Ю. Шашкова отмечала следующую расстановку политических сил: «...использовавшая “левые” лозунги <...> КПРФ занимала социал-традиционалистскую нишу. Демократические партии функционировали в прозападной и пролиберальной субкультуре, а партия власти — в конформистско-традиционалистской. Сферу национал-протестной культуры оккупировали В. В. Жириновский и ЛДПР» [10, с. 137].

В избирательных стратегиях преобладали маркетинговые технологии, форсированно заимствованные политтехнологами из западного политического опыта. Коммерциализация и замена идеологии популистскими схемами обуславливались потребностью партий и партийных лидеров в источниках финансирования, необходимостью поиска спонсоров и решения кадровой проблемы. В результате относительно быстро оформилась так называемая франчайзинговая модель партогенеза: «Франчайзерами в этой ситуации являются центральные партийные органы, обладающие проверенной политической концепцией, политическим брендом и собственным электоратом. В роли франчайзи выступают региональные или федеральные группы интересов, которые в результате такого взаимодействия получают возможность продвигать своих представителей в легислатуры разных уровней» [2, с. 43].

Этот период партогенеза в России характеризуется также появлением в ее партийной системе партии власти, получившей первое воплощение в виде партии «Наш дом — Россия» во главе

с В. С. Черномырдиным. Однако на выборах в Государственную Думу 1995 г. партия власти потерпела поражение от оппозиции: на первое место вышла КПРФ, тогда как «Наш дом — Россия» получила только 10 % голосов. Немаловажно отметить, что эта избирательная кампания оказалась фактически последней в новой политической истории, когда электоральный выбор населения и электоральное поведение как таковое послужили инструментом демонстрации несогласия граждан с политикой исполнительной власти. Как писала Ю. Д. Шевченко, в 1995 г. «пространство электоральных предпочтений по системе пропорционального представительства включало не только социально-экономический раскол, но также и некоторые другие идеологические секторы, прежде всего *поддержка — оппозиция* режиму» [11, с. 224].

С началом 2000-х гг. партийное строительство исполнительной власти интенсифицировалось и постепенно заменило собой партийное строительство как таковое. Основными факторами административного партотгенеза стали укрепление вертикали власти сверху и понимание правящей элитой необходимости блокирования социально-политического развития по либерально-демократическому сценарию. Уже к середине первого десятилетия XXI в. состояние партийной системы России стабилизировалось, и именно тогда — как полагают некоторые ученые, мнение которых мы разделяем, — окончательно сложились политическая система и политический режим России. Процесс перехода от «избыточной демократии» к сегодняшнему узкому политическому спектру был относительно коротким, поскольку политическая элита, сопровождающая В. Путина во власти, последовательно и вместе с тем интенсивно

вела политику построения «управляемой демократии», или, в терминологии И. Пантина, «авторитарной модернизации с социал-либеральной окраской» [12, с. 132].

Тринадцатая статья Конституции РФ не претерпела изменений и гласит: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» [13]. Но если до 2008 г. в тенденциях развития политического режима преобладали либерально-демократические течения, то после 2012 г. возобладали консервативно-охранительные. Несмотря на то, что в 2008—2012 гг. наблюдался короткий период демократизации, он фактически никак не отразился на параметрах партийной системы: основной тенденцией по-прежнему оставалась централизация и сужение политического спектра (сегодня в нем представлено семь партий), слияние исполнительной и законодательной власти. Партии, как и другие политические институты, наделенные властью в соответствии с законами, все в большей степени подчинялись необходимости служить интересам властвующей политической элиты [14, с. 29].

Следует отметить, что для центростремительных трансформаций политической системы России и оформления ее центрального ядра в виде партии «Единая Россия» были нормативные и институциональные основания. Конституция 1993 г. кодифицировала такой институциональный дизайн политической системы, центрально-доминирующее место в котором было отведено Президенту РФ. Он обладает властными полномочиями внутри и над законодательной, исполнительной и даже

судебной ветвями власти в РФ. Необходимость стабилизации внутриполитической ситуации вынудила исполнительную власть и первого президента России к поиску институционального стабилизатора политической жизни — доминирующей партии власти [15], которая задумывалась как институт сглаживания противоречий между Правительством РФ и Государственной Думой, как межвластный медиатор. В этом качестве первая партия власти успела показать свою эффективность, поэтому уже в 2000-е гг. для стабилизации политического режима «авторитарной демократии» был применен опробованный ранее механизм создания и закрепления в парламенте партии власти, образования институциональной основы «бесконфликтного парламента» и «бесконфликтного правления». И цели политической элиты, и средства, примененные для их достижения, были одобрены большинством общества, поскольку подобная стратегия политической элиты преподносилась и продолжает преподноситься обществу как отражение интересов «всех россиян».

В политической системе центральное место закрепилось за партией власти «Единая Россия»: сегодня ее административный ресурс настолько значителен и привилегии столь велики, что она ограничивает свое участие в избирательных кампаниях, подчеркивая самопозиционирование вне реальной политической конкуренции. В результате в России сложилась многопартийная система с доминирующей партией власти.

Сужение политического спектра фиксирует достаточную степень институционализации партий, сохранившихся в структуре политической системы: они увеличились численно,

определили свою проблемную ориентацию (хоть это и не столько программы и идеология, сколько популистские конструкции) и значение такого параметра, как автономия, т. е. степень «зависимости — независимости партии от других институтов и организаций, действующих внутри или за пределами страны» [9, с. 172]. Сегодня не только партия власти, но и другие партии, представленные в Государственной Думе, вышли на завершающую стадию профессионализации, трансформировавшись в «электорально-профессиональные организации», действующие не столько в политических процессах, сколько в сфере продвижения чьих-либо политических и административных интересов. Партия власти и иные партии (в первую очередь «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ) превратились в «фирмы по оказанию политических услуг, своего рода лоббистские конторы, принимающие заказы на продвижение в органах власти определенных интересов» [16, с. 70].

Итак, в России сформировалась база для парадоксального состояния партийной системы. С одной стороны, партии являются институтами реальной политики лишь номинально, фактически они отстранены от осуществления исполнительной и даже законодательной власти (законодательная инициатива исходит не столько от самих партий, сколько от исполнительной власти и президента). Партии не обеспечивают институционального посредничества между социальными группами и государством. Но, с другой стороны, партии стали профессиональными организациями по лоббированию интересов определенных социальных групп, представители которых используют ресурсы самих партий для контроля за происходящими

политическими событиями и влияния на действия других политических субъектов.

Литература

1. **Мельвил А. Ю.** О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 64—75.
2. **Степаненков С.** Партийная система России — 2012: эволюция, проблемы и перспективы // Власть. 2012. № 5. С. 40—43.
3. **Гельман В. Я.** Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 55—69.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (с изм. и доп. от: 1 дек. 1988 г., 20, 23 дек. 1989 г., 14 марта 1990 г.) (прекратила действие) // Сайт Конституции Российской Федерации: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис», 2003—2017. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478736/chapter/1/#block_100000 (дата обращения: 22.08.2017).
5. **Сулакшин С. С.** Политическая и партийная система России и государственное управление // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. Т. 3. № 1. С. 85—103.
6. **Вайнштейн Г. И.** Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий: XX — XXI вв. Дубна: Феникс+, 2001. С. 410—443.
7. **Коргунок Ю. Г.** Становление партийной системы современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. 544 с.
8. **Sartori G.** Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge; London; N. Y. et al.: Cambridge University Press, 1976. XIV, 383 p.
9. **Janda K.** Comparative Political Parties: Research and Theory // Political Science: The State of the Discipline II / Ed. by A. W. Finifter. Washington: American Political Science Association, 1993. P. 163—191.
10. **Шашкова Я. Ю.** Российская партийная система в условиях трансформации политического режима (конец XX — начало XXI в.): монография. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. 178 с.
11. **Шевченко Ю. Д.** Подводя итоги: результаты российских выборов 1993—1996 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993—1996). М.: Весь мир, 2002. С. 212—241.
12. **Пантин И. К.** Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 4. С. 113—135.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 дек. 2008 г., 5 февр., 21 июля 2014 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис», 2003—2017. URL: http://constitution.garant.ru/rf/chapter/1/#block_1000 (дата обращения: 24.08.2017).
14. **Беляева Н. Ю.** Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. 2007. № 1. С. 22—32.
15. **Лихтенштейн А. В.** Политические партии и российский президентализм: границы применения теорий // Политическая наука. 2003. № 1. С. 13—32.
16. **Пишова С. Н.** Политика как бизнес: российская версия (II) // Полис. 2007. № 3. С. 65—77.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ.
E-mail: rast-v2012@yandex.ru

Статья поступила 14 августа 2017 г.